

УДК 616.1 | 9:001.4+316.77+316.43

БОЛЕЗНЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: ОПЫТЫ ВЫРАЖЕНИЯ В ТЕРМИНОГЕНЕЗЕ МЕДИЦИНЫ

М.Б. Мусохранова

Омская государственная медицинская академия
margo_coop@mail.ru

В.И. Разумов

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

rvi57@mail.ru

В статье представлен социально-философский подход к осмыслению болезни, влияющей на состояние и развитие общества. Лингвокоммуникативный фактор, объединяющий взаимосвязанные познавательный, коммуникативный и мировоззренческий аспекты, выделен как ключевой для раскрытия природы болезни, выраженной в терминогенезе медицины.

Ключевые слова: болезнь, терминогенез медицины, лингвокоммуникативный фактор.

A DISEASE IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY: SOME EXPERIENCE OF EXPRESSION IN TERMINOGENESIS OF MEDICINE

M.B. Musokhranova

Omsk State Medical Academy
margo_coop@mail.ru

V.I. Razumov

Omsk State University by F. M. Dostoevsky
rvi57@mail.ru

The social-philosophical approach to considering a disease having an influence on the state and developing the society is presented. Linguo-communicative factor consolidating some interrelated cognitive, communicative and world outlook aspects has been marked out as the key one for disclosure of the disease origin being expressed in the terminogenesis of medicine.

Key words: disease, terminogenesis of medicine, linguo-communicative factor.

На фоне тематического богатства российской историографии можно констатировать, что в XX и XXI вв. практически не

затронут вопрос о роли болезни, оказывающей влияние на развитие социальных субъектов и человека. Социальными субъектами

будем обозначать участников взаимодействий, определяющих состояние и развитие общества. Социальные субъекты многообразны и могут разделяться по масштабу: личность, семья, ... государства, межгосударственные объединения, а также по функциональному признаку: профессиональные сообщества, политические партии, религиозные конфессии... Особенность человека заключается в том, что он может ассоциироваться с одним или несколькими социальными субъектами, но также и отделять себя от любого из них, реализуя самостоятельные связи с окружающим миром (социальным, природным, духовным). Широко известна гипотеза-афоризм «История человечества есть история его войн», и эта тема одна из самых распространенных от Геродота и Фукидида до современных историков. Если войны – это только повторяющиеся в истории процессы, то болезни сопровождают человека и общество постоянно. Уместно поставить вопрос «Что является первичным: перемены в обществе и человеке, меняющие эпидемиологию заболеваний, либо трансформация человека по причине влияния болезни на его духовно-нравственное состояние?» С точки зрения материалистически ориентированной эволюционной гипотезы болезнь есть особое состояние живых объектов, когда нарушается режим адаптации, способствующий оптимальной жизнедеятельности, и начинается поиск нового режима в условиях психосоматической нестабильности по причине нарушения функционирования сложной системы, называемой человеком. По мере развития медицины неоднозначными становятся определения болезни, которых к настоящему времени существует множество, и они, по сути, констатируют факт болезни в жизни человека, явля-

ющейся причиной изменения его состояния Homo sapiens → Homo patiens. Согласно креационалистическому подходу, болезни и смерть являются следствием изгнания человека из рая – места постоянного общения человека с Богом. Тогда нарастающее число болезней может быть охарактеризовано мерой отдаления человека от Творца, определяющей духовно-нравственное состояние человека, существующего в мире, где, говоря словами Сенеки, то, что считалось пороком, становится нормой.

Целью настоящей статьи является представление такого социально-философского подхода, при котором развитие социальных субъектов связывается с фактором болезни. Известно, что одна из ключевых проблем исторического познания есть проблема наличия и достоверности источников. В нашем случае в качестве основного источника служит язык медицины, поставляющий рефлексивные композиты в виде традиционных греко-латинских терминов, достоверность которых подтверждается МКБ-10 (Международная классификация болезней). При обращении к заявленной теме сконструируем такую гипотезу. Язык медицины, на котором выстроена врачебная деятельность, формировался на основе общеупотребительного языка, органичного той или иной древней культуре. При этом специальные слова, по причине их медицинской значимости, приобрели статус терминов, греко-латинские этимоны которых дают представление о результатах познания человека в его связях с окружающим миром, а также о путях формирования языка медицины, воплощенного в терминогенезе¹. Тогда в наших исторических

¹ Мусохранова М.Б. Терминогенез: летопись медицины в социально-философском контексте. – 312 с.

условиях терминогенез медицины может стать процессом осмысления того, как болезнь в определенный исторический период и в конкретном топосе влияла на социальные субъекты, человека. В этом случае социально-философский подход открывает перспективы для изучения складывающейся системы: болезнь→социальные субъекты и человек→терминогенез. Включение специалистов в анализ терминогенеза может вернуть современной медицине ее культурно-философский потенциал. Осмысление терминогенеза может проявлять себя не только в науке и практике, но и позволит выводить дисциплину «Латинский язык и основы медицинской терминологии», входящую в блок ГСЭ, на уровень пропедевтической.

В настоящей статье остановимся на тех аспектах терминогенеза, которые позволят обнаружить ключевые моменты в восприятии болезни и ее влияние на развитие социальных субъектов и человека. При этом в роли ведущего следует выделить лингвокоммуникативный фактор, объединяющий в себе взаимосвязанные познавательный, коммуникативный и мировоззренческий аспекты.

Познавательный аспект связан, согласно Е.Н. Трубецкому, с нахождением и осознанием «общезначимого мысленного содержания, которое выражает смысл сознаваемого, или, что то же, его истину»; сознать — значит «не гадать о смысле воспринимаемого, а обладать им», а потому «сознающий есть знающий»². Если человек является знающим, то он и называет познанный факт действительности специальным словом, служащим для передачи познанного в пространстве и времени. Здесь вступает в силу коммуникативный аспект,

смысл которого раскрывается посредством латинского этимона, образованного от супинальной формы глагола *communicare* — «делать общим; сообщать; беседовать; присоединять, добавлять, вносить; связывать, соединять; иметь дело, иметь связи»³. То есть данный аспект содержит идею непрерывности знаний о фактах действительности и их дополняемости, что соответствует аристотелевскому принципу, согласно которому «всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания»⁴. Источником знания о болезни служил опыт проживания ее события, осмысленный в рамках мировоззренческих установок, формировавшихся традициями, хранителями которых были священнослужители, составлявшие наиболее образованную часть общества ранних культур. Следовательно, мировоззренческий аспект лингвокоммуникативного фактора дает представление о восприятии и осмыслении болезни, оформленных специальными словами, которые вошли в язык медицины различными путями (метафорический, мифологический, символический), став медицинскими терминами. И эти термины становятся для следующего поколения врачей средствами суждения о когда-то названных фактах действительности.

Латинский этимон слова «фактор» имеет значение «создатель», восходящее к глаголу *facere*, передающему идею рождения чего-то значимого, его оформленности и данности в том виде, который выражает цель «создателя». Тем самым привлекалось внимание человека к факту действительности, существующему независимо от него. Как данность, этот факт осмысливался и именовался

³ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. — С. 164.

⁴ Аристотель. Сочинения. — Т. 2. — С. 257.

ся словом, органичным конкретной культуре и служащим для выражения познанного. Согласно А.Ф. Лосеву, «в понятии выражения содержится как момент некоей реальности, так и ее выхождения из своего внутреннего пребывания в себе в свой внешний и явленный образ. В категории выражения синтезируется момент внутреннего и момент внешнего <...>, которое реально есть, существует в действительности <...> Чтобы быть выраженным, еще надо сначала просто быть»⁵. Так, факт действительности, воспринимаемый как особый вид несчастья по сравнению с прочими, выразился как «природа зла, которую люди называли болезнью»⁶. Имя Болезнь стало, говоря словами А.Ф. Лосева, «оформлением самой вещи в ее объективном существовании», а потому было не просто звуком, но «силой самой вещи», направляющей свой образ вовне с определенной целью. В этом «имени действительность открывает себя всякому разумному оку и дает осмысленно понять себя по сравнению со всем прочим»⁷. В данном плане имя Болезнь в общепотребительном языке стало выражением «природы зла», тем самым табуируя зло, которое, по словам Августина, «есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения»⁸. При этом имя Болезнь по причине медицинской значимости потребовало осмысления и соответствующего определения. Определить — значит установить границы существования, которые были соотнесены с телом человека. В границах тела болезнь знаками выражала присутствие «природы зла» в челове-

ке, сила которого направлялась на разрушение его целостности.

К примеру, состояние, названное как *inflammatio* (воспаление), выражается знаками на теле в виде *rubor* (краснота), *tumor* (опухоль), которые сопровождаются *calor* (жар) и *dolor* (боль) и информируют о *functio laesa* (нарушение работы органов). Латинским *inflammatio* (букв. «воспламенение» от *in* «в, внутри» + *flamma* «пламя, огонь; жар, пыл; страсть; блеск, сияние, сверкание») выражен факт присутствия в теле человека некоего начала, продуцирующего перечисленные выше знаки — симптомы воспаления. Если обратиться к библейскому тексту⁹, то в нем достаточно ясно говорится о результатах идентификации этого начала на физическом уровне с языком — производителем речи. Например, в книге Притч: «Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (18:21) в современном переводе — «Язык может говорить слова, которые приносят жизнь или смерть. Поэтому любящие говорить должны быть готовы принять последствия сказанного». В Новом Завете тема связи состояния человека с его языком получила углубление в словах Иисуса: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (от Луки 6:45); «А исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (от Матфея 15:18–19). Его учение продолжили ученики: «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздывать и все тело. <...> так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри,

⁵ Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое самое. — С. 33.

⁶ Froment A. Maladie. Donner un sens. — P. 16.

⁷ Лосев А.Ф. Указ. соч. — С. 29–40.

⁸ Августин Аврелий Блаженный. Исповедь. — С. 72–73.

⁹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого (Септуагинта) и Нового Завета.

небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны <...> Язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда» (Иакова 3:2–6); «Ибо кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей» (1-е Петра 3:10).

Таким образом, согласно Библии, источником речи является сердце человека, которое в архаичный период институционализации медицины являлось символом внутренней, скрытой жизни человека, проявляющейся вовне в его языке и поступках, следствием чего уже становилось его психосоматическое состояние. Иными словами, язык – средство духовного выражения состояния души, реагирующей на действительность в отношениях с окружающим миром: *Talis hominibus fuit otatio, qualis vita* («Такова была речь людей, какова была их жизнь») ¹⁰. В Писании обращается внимание на то, что эти реакции порождены различными эмоциями, в целом выражающими гордыню, гнев и страх. Гордыня сравнивается с безумием и глупостью: «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13:1, 52:1). Последствия гордыни в речи: хвастовство, насмешки, издевательство, ложь, извращение истины, клевета, сплетни, безответственность в высказываниях, пустословие, сквернословие (Прит. 10:18; 18:2; 19:1; 20:3; 29:11), поэтому «уста глупого – близкая погибель» (Прит. 10:14). Гнев – сильнейшая эмоция,

влияющая на личную и общественную жизнь. Раздоры, ложь, несогласие, угрозы, ворчливость, язвительность, грязные слова (оскорбления), бунтарские речи являются плодами гнева, порождающего ненависть и горечь (Прит. 10:12, 18; 15:18; 24:28–29; 27:4; 29:22; 30:33;). Народ Израиля неоднократно гневался на Бога из-за своего нетерпения и недоверия, смешанных со страхом и разочарованием, которые породили бунтарские речи какого-либо человека, восставшего против власти: «Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие» (Евр. 12:15). Это значит, что зло, начавшись с одного человека, порождает цепную реакцию, в результате которой зло умножается, охватывая, подобно пандемии, социальные субъекты. В книге Исании указывается причина бедствий, постигших израильский народ: «Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова» (59:13). Согласно Библии, человеческий страх связан с чувством вины, заставившей человека прятаться от Бога (Быт. 3:10), следствием чего стали ревность и зависть, спровоцировавшие убийство (Быт. 4:2–15). Страх связан также со смертью, потерей положения, репутации, уверенности, семьи, друзей, состояния, власти, счастья, наконец, будущего. Все эти страхи влияют на речь и поступки: ложные выводы (обман), богохульство, лжесвидетельство, ропот. Псалом 30:11–13 связывает клевету со страхом. Первосвященники лжесвидетельствовали против Христа из страха перед Римом и из боязни утратить свою власть, положение и влияние (Матф. 26:59–61). Фарисеи солгали, чтобы сохранить свое положение из

¹⁰ Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – С. 787.

страха, что народ примет Христа как Мессию (Иоан. 8:44–45). Страх перед людьми выражается в угрозах, оскорблениях, лести, которые скрывают многочисленные зависимости, тогда как страх перед Богом приводит к единственной зависимости человека от Бога, к смирению перед Ним, с которого начинается подлинная мудрость (Прит. 1:7 «Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление»; Иов 28:28 «<...> страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум»).

Во взаимосвязи гордыни-гнева-страха представлено зло, которое коренится в сердце человека и выражается в его речи, унижающей, прежде всего, человеческую честь и достоинство. Французский психиатр Gilles de la Tourette определил такую речь как «синдром безумия дегенератов» (от лат. *degenerare* – «выродиться, переродиться, измениться, испортиться; превращаться, переходить; запятнать, унижать, опорочивать»¹¹). Этому синдрому он дал название – *corprolalia*¹² (от греч. *korpos* – «шмет, кал; навоз; грязь, мусор или прах; стойло» и *lalia* – «болтовня, пустословие; слух, молва; речь, беседа; спор; говор, наречие; произношение»¹³). В настоящее время термин *corprolalia* обозначает признак психоза, соотносённой К.Г. Юнгом с состоянием мира, в котором человек, освободившийся от предрассудков, посредством рационализма уничтожил свою способность к восприятию идей и символов Божественного, отдавшись во власть психического ада;

нравственные и духовные традиции оказались прерванными, и расплатой за это стали всеобщие дезориентация и распад¹⁴.

Дезориентация выражена в утрате духовно-нравственных норм, следствием которой становится состояние, обозначаемое термином «коррупция» (от лат. *corrumpere* – «портить, повреждать; расстраивать, приводить в упадок; истощать, изнурять; уничтожать, истреблять; губить, разрушать; развращать; соблазнять, обольщать; искажать, извращать; позорить, бесчестить»¹⁵). На социальном уровне коррупция приводит к распаду семей, брошенным детям, растущей преступности и пр. Аналогичное состояние человеческого сообщества завершилось когда-то, согласно Писанию, потопом: «Земля растаилась перед лицом Божиим, и наполнилась злодеяниями <...> всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал Господь Бог Ною: “Конец всякой плоти пришел пред лицо Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли”» (Быт. 6:11–13). Поэтому на протяжении всех библейских текстов прослеживается предупреждение человеку о трагическом финале его жизни, символом которого стали Содом и Гоморра, так и о зависимости человеческой жизни от Творца всего сущего. На индивидуальном уровне состояние, именуемое коррупцией, выражается в алкоголизме, наркомании, равнодушии, агрессии, цинизме, половой распущенности, гомосексуализме, безответственности, невежестве, лени¹⁶, ко-

¹⁴ Юнг К.Г. Человек и его символы. – С. 93.

¹⁵ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – С. 204.

¹⁶ Карасик В.И. Языковые ключи. – С. 75–95. Рассматривая концепт «лень» с позиции лингвокультурологии, автор выделяет ее признаки: нежелание работать; уклонение от обязанностей; жизнь за счет чужого труда; праздность; имитация деятельности; неискренность, склонность к обману.

¹¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – С. 299.

¹² Striffler Ph. La maladie de Gilles de la Tourette. Approche historique et situation actuelle de la Maladie des Tics. – P. 57.

¹³ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Т. 1. – С. 969, 1009.

которые сопровождаются соответствующей речью. В результате складывается ситуация, констатированная Луцием Сенекой в известном афоризме: «Deest remedii locus urbi, quae vitia fuerunt, mores fiunt» («Нет места лекарствам там, где то, что считалось пороком, становится обычаем»).

Развитие коррупции в состоянии человека и социальных субъектов соотносится с термином «сакта», которым Авиценна обозначил состояние «утраты органами способности к ощущению и движению вследствие сильной закупорки, возникающей в желудочках мозга и в проходах ощущающей и движущей пневмы»¹⁷. Примечательно, что эквивалентом к нему переводчиками «Канона врачебной науки» был подобран термин «апоплексический удар»¹⁸. Авиценна, знакомый с трудами Аристотеля и использовавший в своей работе галеновские и гиппократовские названия болезненных состояний, делает различие между сактой и параличом, «которым она разрешается в большинстве случаев», поэтому сакта у него – метафизическая причина апоплексического удара. Термин был использован Авиценной для передачи понятия силы śakti, заключавшего ведическую идею Божественной созидательности, выраженную в имени богини Шакти (Śakti). Учитывая, что названия болезней в ранних культурах были связаны с именами различных божеств, термин «сакта» в древнеиндийской медицине служил для обозначения состояния, причина которого коренилась в гневе Шакти, вызванном мыслями и словами человека, нарушающими гармоничное течение жизни.

ну; сопряженность с глупостью, скукой, поиском развлечений, любовью к комфорту, нарушением закона; нежеланием думать.

¹⁷ Ибн Сина. Канон врачебной науки. Избранные разделы. – С. 350.

¹⁸ Там же – С. 767.

Для выяснения смысла «апоплексический» обратимся к родственным словам, приведенным И.Х. Дворецким: ароплексия переводится как «паралич», который также имеет древнегреческое происхождение и означает «расслабление; нарушение»¹⁹; ароплектос – «разбитый параличом; отупевший, тупоумный, слабоумный»; для ароплектikos («разбитый параличом») он приводит равнозначное ему posemata (ед.ч. posema: «болезнь; порок, зло; бедствие, несчастье»), употребление которого во множественном числе означало повторяемость событий во времени или многообразие проявлений качества, на что указывает суффикс -ема, присоединенный к корню pos- (posos: «болезнь, недуг; негодность, бесплодие; бедствие, бич, язва; страдание, мучение; недостаток, порок»). Само слово ароплексия образовано префиксальным способом: аро+plesso²⁰. Приставка аро- служила для обозначения пространства времени; указывала на средство или образ действия, материал, тему, происхождение, причину, связь. Глагол plesso – «хлопать, топтать; взбивать; ударять, бить, поражать; подстегивать, погонять; наносить поражение, разбивать; поощрять, подкупать; принимать удары, быть поражаемым; чеканить, запечатлевать»²¹. Мы не приводим примеры, данные И.Х. Дворецким для иллюстрации употребления этого глагола, значения которого передают идею борьбы, кроме последнего, представляющего определенный интерес в контексте нашего исследования: «в лицах Данаид верно запечатлены кипрские черты». Здесь употре-

¹⁹ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Т. 1. – С. 212.

²⁰ Арнаудов Г. Медицинская терминология на пяти языках. – С. 30.

²¹ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Т. 2. – С. 1330.

бляется слово «характер», которое переведено как «черты». Древнегреческое «характер» означает: «отпечаток; печать, клеймо; изображение, начертание, знак; очертание, внешний вид, образ; отличительная черта, особенность, своеобразие; примета, признак». Следовательно, творимое «слабоумным» человеком вербальное зло, запечатлевая в нем свои черты, наносит ему удар, в результате чего происходит «расслабление» физического тела, его распад.

О том, что причиной страдания является глупость и невежество человека, говорили также древнекитайские священномудрецы, например, «кто глуп и безрассуден, навлекает на себя несчастья, ниспосылаемые Небом»²². Поэтому болезнь воспринималась как следствие гнева Божества, а потому связывалась с грехом человека, что стало основной мыслью в аккадских «Покаянных псалмах». Их автор признает ограниченность человека в том, что он «ничего не знает. Люди, сколько их есть, что они понимают? Зло он творит или благо, не знает никто». И он взывает к Божеству, чтобы научиться у него правде и обрести покой, даруемый через покаяние: «<...> грех, что я совершил, обрати мне на благо, вину, что я совершил, пусть ветер развеет. Многие скверны мои сними, как одежду, боже, грехов моих – семью семь, отпусти мне грехи!»²³

На примере нескольких терминов мы показали, как работает социально-философский подход, в основе которого лежит терминогенез медицины. Международная классификация болезней содержит названия различных болезненных состояний, которые можно классифицировать, во-первых, как собственные имена болез-

ней, сохранившиеся в социальной и индивидуальной памяти как печать значимого, с точки зрения последствий события, чему свидетельством является термин *pestis*, переданный русским эквивалентом «чума». Учитывая, что в термине как философской категории, согласно П. Флоренскому, сохранены границы мысли, которой определяется и осознается сконцентрированный высший порядок синтетичности реальности²⁴, можно заключить, что термин *pestis* в своей завершенности стал социальной категорией, вырастающей из отношения человека к действительности. В ней *pestis* идентифицировалась и осмыслялась как «зараза, повальная болезнь; дурной запах; гибель, разрушение; несчастье, катастрофа; бич, язва»²⁵, поскольку событие *pestis* было коллективным сотрясением, катастрофой, разрушившей нравственные, семейные и социальные устои; глубочайшей раной, отметившей человеческое сознание на последующие века. Разворачиваясь во времени, *pestis* демонстрирует в значениях этимона термина многосложную синтетичность действительности, а потому не есть проявление чего-то иного, но то проявление зла, которое фактом своего присутствия запечатлевает свою суть в имени *Pestis*, а также в других именах болезни, являющихся своеобразным консервантом знаний о ней, передаваемых во времени и пространстве. Следовательно, имена болезни, становясь терминами в языке медицины, позволяют воссоздавать прожитую и осмысленную с точки зрения последствий действительность, раскрываемую через значения этимонов их имен. Если слово *pestis* все-таки изначально обозначало собственно болезнь, связан-

²² Древнекитайская философия. – Т. 2. – С. 42.

²³ Ассиро-вавилонский эпос. – С. 136–144.

²⁴ Флоренский П.А. Имена : сочинения. – С. 179–209.

²⁵ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – С. 580.

ную с Божественной силой, воспринимаемой образно, которая обрушилась на людей как бич, то слово *typhus* в общепотребительном языке обозначало «дым, чад; гордость, надменность, спесь»²⁶. Если термин *pestis* в своей завершенности раскрывается как категория социальная, содержащая экзистенциальное знание, включенное в существование человека, то термин *typhus* раскрывается как категория нравственная, с характерными чертами: гордость, надменность, спесь. К этой категории относятся *syphilis*, символизирующий половую распущенность человека, неумеренность в еде – *adipositas* (ожирение) или *obesitas* (полнота, тучность, откормленность), символами которой стали персонажи Рабле (Гаргантюа и Пантагрюэль) и пр. По сути, такие термины маркируют духовно-нравственное состояние человека, требующего все больше чувственных удовольствий, которые в результате разрушают его. Во-вторых, названия болезненных состояний образованы суффиксальным способом, т. е. к названию анатомического образования добавляются суффиксы *-osis*, *-iasis*, либо *-ismus*. Учитывая, что анатомические термины пришли в язык медицины метафорическим, мифологическим или символическим путями, то и болезненные состояния органов следует осмысливать с учетом источников происхождения этих терминов, не редуцируя их первосмысла, органичного той культуре, которая сохранила его в этимологии, но пытаясь восстановить преемственность знаний о человеке и его связях с окружающим миром. По нашему мнению, такой социально-философский подход к осмыслению болезни, влияющей на состояние социальных субъектов и человека, по-

зволяет по-иному взглянуть на кризис, потенциально ведущий к катастрофе человеческого бытия.

Древнегреческое слово *krisis*: 1) разделение, различие; 2) суждение, мнение; 3) суд, решение, приговор; 4) суд, судебное разбирательство; 5) состязание, спор; 6) спор, тяжба; 7) выбор, избрание; 8) исход, окончание; 9) (ис)толкование; 10) переломный момент²⁷. Медицина использует это слово в словосочетании «кризис болезни», определяя его как «резкое изменение течения болезни». Употребляется также усеченный вариант термина «кризис» – криз, которое объясняется как «внезапно возникающее, относительно кратковременное состояние больного, характеризующееся появлением новых или усилением имеющихся симптомов болезни»²⁸, и возводится к французскому *crise*, восходящему к древнегреческому *krisis*.

Согласно статье *Grand dictionnaire Etymologique et Historique du français*, слово «*crise*» вошло во французский язык врачей только в XIV в., тогда как с XVII–XVIII вв. оно употреблялось в общественной и политической жизни преимущественно в значении «решение»²⁹. Отбрасывание окончания *-is* в русском языке очевидно служит передаче идеи кратковременности, но не законченности болезненного процесса и лишь указывает на прогностику его развития в человеке, который в своем теле переживает встречу с болезнью, видимые и измеряемые признаки которой фиксируются различными диагностическими методиками. Врач собирает все показания воедино

²⁶ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Т. 2. – С. 1657.

²⁷ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Т. 1. – С. 984.

²⁸ Энциклопедический словарь медицинских терминов. – С. 403–404.

²⁹ *Grand dictionnaire Etymologique et Historique du français*. – P. 255.

для установления факта активизации «природы зла» в человеке и подбирает соответствующую методику лечения. Но невозможно измерить страдание человека, который один на один переживает опыт болезни, нарушающей его жизнь. В этом случае под термином «кризис» можно понимать духовно-нравственное состояние человека, который, находясь на грани жизни и смерти, осмысливает свою жизнь (согласно представлению жизни Августином, как быть-знать-хотеть: я пока есть, я знал и я хотел), если на это хватает мужества и сил. В этом тяжелейшем для него акте человек способен приобрести мудрость, разделяя свои дела (1-е значение) на добрые и дела, мотивированные недобрыми намерениями (2-е значение). И тогда он либо искренне признает то зло, которое причинил другим и, следовательно, себе, либо – упорно старается оправдать себя (3–6-е значения). На этом заканчивается внутренний суд, о котором никто не может знать, кроме самого человека, и наступают внешние изменения в состоянии, которые и фиксируют врачи, истолковывая язык пораженного болезнью организма и наблюдая переломный момент в состоянии больного (7–10-е значения).

Правомерным является употребление этого термина в современных условиях, когда специалисты в разных областях знания на основании собранных сведений констатируют кризис состояния социальных субъектов и человека, существование которых сопровождается различными катастрофами (голод, болезни, войны, стихийные бедствия и пр.), что является свидетельством бессилия и человека, и технологий перед лицом могущественной силы, разрушающей не только жизнь человека, но и окружающий его мир. В древних традициях подобные явления сопоставлялись с прояв-

лением Божественного гнева и запечатлевались специальными словами. К примеру, слово «катастрофа», которое раскрывается в своей завершенности как «переворот; поворот, начало развязки; развязка, исход, конец; смерть, гибель; истребление, разрушение; покорение»³⁰. В нем указываются этапы процесса, но уже экзогенного характера, исходящего сверху (приставка kata), в отличие от кризиса, носящего преимущественно эндогенный характер.

Обращение к языку как к началу, определяющему не только философскую мысль, но и само бытие, свойственно и религиозным, и философским учениям. Признавая в качестве постулата то, что важнейшей функцией языка выступает выражение наиболее существенных состояний в индивидуальном, социальном, природном бытии, следует учитывать факт болезни, серьезно влияющей на жизнь человека, социальные процессы, ход истории, и получающей специфическое выражение в терминогенезе медицины, который отличается высочайшей устойчивостью, поскольку, с одной стороны, является продуктом деятельности многочисленных поколений врачей, фиксирующих опыт противостояния «природе зла» в соответствующих терминах. На этом основании терминогенез становится летописью становления медицины. С другой стороны, эта летопись свидетельствует об истории болезни человечества. Обратим внимание, что среди отраслей интеллектуальной культуры, возникших в древности, только медицина сохранила в своем терминологическом аппарате наибольшее число корней из нескольких древних языков, передающих сакральные смыслы. Поэтому при отношении к медицине как к светской

³⁰ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – Т. 1. – С. 912.

институции значения этимонов многих медицинских терминов обращают к философии, поскольку включают кардинальные темы индивидуального и социального бытия. Одной из таких тем выступает осмысление болезни как природы зла, что приобрело в разных топосах и эпохах единые культурно-исторические черты.

Литература

- Августин Аврелий Блаженный*. Исповедь / Блаж. Августин. – М.: ДАРЪ, 2005. – 544 с.
- Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / Аристотель; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 685 с.
- Арниудов Г.* Медицинская терминология на пяти языках. – София: Медицина и физкультура, 1979. – 943 с.
- Ассиро-вавилонский эпос* / пер. с шумер. В.К. Шилейко ; сост. В.В. Емельянов. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
- Бабицев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 959 с.
- Библия*. Книги Священного Писания Ветхого (Септуагинта) и Нового Завета. – М.: Рос. Библейское об-во, 2002. – 1337 с.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / под ред. С.И. Соболевского. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1958.
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1996. – 846 с.
- Древнекитайская философия: собр. текстов в 2 т.* / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 384 с.
- Ибн Сина*. Канон врачебной науки. Избранные разделы / Абу Али Ибн Сина; пер. с араб.; сост.: У.И. Каримов, Э.У. Хуршут. – Ташкент : Фан, 1985. – 767 с.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 405 с.
- Лосев А.Ф.* Вещь и имя. Самое самó. Подг. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. А.А. Доброхотова ; коммент. С.В. Яковлева. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 576 с.
- Мусохранова М.Б.* Терминогенез: летопись медицины в социально-философском контексте / науч. ред. В.И. Разумов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 312 с.
- Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни; сост., послесл. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2005. – 480 с.
- Флоренский П.А.* Имена: сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 893 с.
- Энциклопедический словарь медицинских терминов* / гл. ред. В.И. Покровский. – 2-е изд. – М.: Медицина, 2001. – 960 с.
- Юнг К.Г.* Человек и его символы; пер. И.Н. Сиренко, С.Н. Сиренко, Н.А. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 2006. – 352 с.
- Grand dictionnaire Etymologique et Historique du français*. – Paris: LAROUSSE, 2005. – 1254 p.
- Froment A. Maladie*. Donner un sens. – Paris : CPI éditions des archives contemporaines, 2001. – 235 p.
- Striffler Ph.* La maladie de Gilles de la Tourette. Approche historique et situation actuelle de la Maladie des Tics: thèse pour le doctorat № 238. – Strasbourg: Université Louis Pasteur, 1985. – 201 p.